

УДК 811.161'373.7:82.1/7.08

НЕЗВАНЫЙ И ДРУГИЕ ПАРЕМИЧЕСКИЕ ГОСТИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Ю.А.Маркитантов

UNINVITED AND OTHER PAREMIC GUESTS IN A POETIC TEXT

Yu.A.Markitantov

Каменец-Подольский национальный университет имени Ивана Огиенко, Украина, yurumarckitantov@yandex.ua

В статье делается попытка анализа функциональных особенностей пословицы *незванный гость хуже татарина* в восточнославянских поэтических текстах. При этом особое внимание уделяется ее этимологии, которая оказывает влияние не только на функциональные, но и на фразеологические потенции этой единицы.

Ключевые слова: *паремия, пословица, фразеологизм, поэтический текст, трансформация, намек*

In this article the authors analyze some functional features of the proverb "*the uninvited guest is worse than a Tatar*" in the East-Slavonic poetic texts. Special attention is paid to its etymology which influences both functional and phraseological units creating potential of this unit.

Keywords: *paroemia, proverb, phraseological unit, poetic text, transformation, hint*

Для актуализации устойчивых языковых единиц в тексте поэты активно используют разнообразные приемы структурно-семантического способа трансформации. Одним из самых эффективных мы бы назвали намёк. Большинство лингвистов склонны считать фразеологический намек не только достаточно интересным и продуктивным приемом трансформаций, но и фразеологическим средством.

Поэтический текст, на наш взгляд, является тем благодатным материалом, который самой своей природой способствует языковым средствам разных уровней раскрыться в полном объёме.

Мастера поэтического слова создают контексты, в которых известные пословицы подвергаются таким метаморфозам, что их внешний облик значительно сокращается, порой до неузнаваемости, а внутренняя сущность сохраняет веками заложенный смысл. При этом информативность единицы интенсифицируется из-за невольного внедрения читателя (слушателя) в глубинную структуру языкового знака.

Особенно часто таким деяниям (с обязательным сохранением намёка на образность) подвергаются пословицы, поговорки, крылатые выражения.

Поэты постоянно пребывают в творческом поиске. И этот поиск приводит их к обнажению семантики паремии путем конденсации компонентов. Такое использование языковых средств может опираться на культурный стереотип в языковом сознании через элиминацию обязательных компонентов [1].

В этом, полагаем, и кроется функциональная сила такой паремии, как *Незванный (не в пору, не вовремя) гость хуже татарина*, в восточнославянской поэтической речи. Эта пословица, по мнению большинства лексикографов, родилась во времена монголо-татарского нашествия. Ситуация, ставшая основой для ее появления, такова: неожиданно появившиеся купцы (*гости*) наносили больший вред крестьянским дворам своими ненасильственными действиями (продавая товар и лишая значительной доли материального запаса хозяев), чем монголо-татары, которые собирали заранее установленную дань в определенное время (были ожидаемы, приходили в предполагаемое, т.е. ожидаемое, время). Косвенно подтверждает такой вывод и вариативный состав пословицы, приведенной в «Сборнике...» М.И.Михельсона: *не въ пору, не вовремя* [2]. И да-

лее следует пример из Тургенева: «Ср. *Не в пору гость хуже татарина*, гласит пословица, не в пору возвышенная истина хуже лжи, не в пору поднятый вопрос только путает и мѣшает. Тургеневъ. Замятки» [2].

В словаре В.И.Даля фиксируется форма, в которой вообще отсутствует слово *незванный*, что, собственно, подтверждает наше понимание сущности этой пословицы: *Не вовремя (Не в пору) гость хуже татарина* [3].

Кроме того, безусловным доказательством того, что в основе значения пословицы лежит именно временная сема *не в пору, не вовремя*, есть материал из украинского языка. В словаре Матвея Номиса «Українські приказки, прислів'я і таке інше» варианты этой пословицы расположены следующим образом: *Невчасні гості гірше від татарів; Непроханий гість гірше татарина; Незваний гість — гірше вовка* [4], т.е. первым расположен вариант именно с временным значением.

Ещё одно, правда, не прямое доказательство главенства семы *неожиданность* в этой пословице находим во фразеологическом словаре украинского языка Григория Удовиченко, в котором *Непрошенный гість гірше татарина* фиксируется в качестве фразеологизма, при этом далее читаем: «Пор.: 1. Несподіваний гість гірш татарина» [5] (*несподіваний — неожиданный*).

То, что слово *гость* употреблено в этой пословице в значении *купец*, а не в значении лица, которое приходит, приезжает проведать (навесить) кого-либо дома, подтверждается этнографическим материалом, из которого следует, что «по давним славянским верованиям, каждый, кто приходит в дом, становится под охрану фамильного бога, а потому запрещается таких людей обижать, ибо обидеть гостя — это обидеть фамильного бога (поэтому и говорят: Гість у хату — Бог у хату); древних обычаев свято придерживаются и сегодня...» [6, 136]. Независимо от приглашения / неприглашения у восточных славян гость (не купец) всегда был желаем и принимался хозяевами с почестями. В этой связи несколько странным выглядит вариативный состав исследуемой пословицы, зафиксированной в словаре белорусских пословиц И.Я.Лепешева и М.А.Якалцевич, в которой отсутствует сема *неожиданности*: *Няпрошаны (незапрошаны, нязваны) госьць горш за татарына* [7].

Из поэтических материалов, которыми мы воспользовались, лишь в одном случае фиксируется полная форма пословицы (правда, подвергшаяся незначительной трансформации), и то приведенная в «Сборнике...» М.И.Михельсона в качестве примера:

*Честь велика, когда почетный барин
К нам «запросто» приходит есть хлеб-соль.
Но за столом нас от «честей» уволь:
Незванный гость досадней, чем Татарин.*

(П.А.Вяземский).

В современных поэтических произведениях русских, украинских и белорусских авторов исследуемая пословица продолжает жить, но в сокращенном виде, в котором для «татарина» места не осталось. Это мы наблюдаем, например, в таком контексте:

*У непраглядзь цемры
Увысь падніму галаву,
Няпрошаным госьцем
Прайду
Па нябёс сутарэннях
Ачнуса здагадкай:
Я кожным імгненнем жыву
Не ў снах, а наяве
У некалькіх вымярэннях.*

(К.Жук).

Возникает вопрос: *непрошенный гость* — это фразеологическая единица или реминисценция пословицы?

Насколько нам известно, современные фразеологические словари такой единицы не фиксируют. Лишь в словаре-справочнике В.В.Жайворонка, на который мы уже указывали, в статье *гісьць* есть такая запись: «...фразеологізми: *незваний (непроханий, непрошений) гісьць* — той, хто з'явіўся в домі несподівана, без запрошэння або попереджэння» [6]. Но, как справедливо утверждает Н.Кваша, «такое использование устойчивых сочетаний, опираясь на культурный фонд зрителя, слушателя, читателя, с одной стороны, актуализует традиционное содержание речевых клише и стандартов в языковом сознании, а с другой — обогащает их новыми, культурно значимыми смыслами в соответствии с коммуникативной задачей автора, а также расширяет концептосферу их применения» [1]. «Фоновые знания» читателя, как известно, в этом случае будут напоминать о существовании пословицы *Няпрошаны (незапрошаны, нязваны) госьць горш за татарына* [7].

Собственно, анализ поэтических текстов свидетельствует о том, что форма *незванный (непрошенный) гость* активно эксплуатируется поэтами. Вот, к примеру, контекст из стихотворения «Дуб» белорусского поэта Виталия Гарановича:

*Кустом бязлістым ягамосць
Арэшнік ціха вечаруе.
А дуб, нібы нязваны госьць,
Ўсіх яркай зеленню чаруе.*

(В.Гарановіч).

Кстати, в этом произведении семантика новообразования меняется под влиянием контекста с негативной на позитивную.

И в украинских поэтических текстах, и в русских авторы эксплуатируют это новообразование, отбросив «татарский след»:

*Розмови по розтрісканих дротах —
Не віч-на-віч — це теж маленька зрада...
Самотнє ліжко, і незваний гість,
І перший сніг, і танці листопаду,
І зоремерії всі, що відбулись
У зорепадах, — зрада...
зрада...
зрада...*

(О.Почапська).

Леонид Мартынов, как и Виталий Гаранович, позитивировал смысл этой новообразованной ФО, правда, путем ввода в структуру единицы отрицательной частицы *не*. К тому же повтором слова *гость* создается эффект «мягкой» дефразеологизации:

Выходил по утрам я из комнаты ванной.

«Это гость, — вспоминали вы, — гость не незваный,

Но, с другой стороны, и не слишком желанный.

Ничего! Беспорядок у нас постоянный».

И несмотря на то, что поэты в основном используют «сокращенный» вариант паремии, её образ пока ещё сохраняется. Однако может наступить время, когда «татарский след» сотрется из памяти носителей языка насовсем и производная от пословицы фразеологическая единица станет немотивированной или извращенно мотивированной.

Аналогичным образом поступают поэты и с другими пословицами. Так, Бэла Ахмадулина оригинально использовала образную основу пословицы **Слово не воробей, вылетит — не поймаешь** в стихотворении «Февральское полнолуние»:

Сказала так — и оробела я.

Возможно ли оспорить птицелова,

загадочно изрекшего, что слово

вернуть в слок трудней, чем воробья?

Актуализировал внутренний образ пословицы **Седина в бороду, а бес в ребро** Андрей Вознесенский:

Что будет с вами?

Это возраст леса,

как говорит поэт — **ребра и беса,**

а повесть Евы не завершена...

Здесь, правда, можно говорить о наслоении нескольких смыслов, включая и библейское повествование о сотворении мира. Актуализация, как видим, «фоновых знаний» читателя или слушателя одновременно способствует актуализации образной основы и семантики фразеологических единиц языка и, соответственно, усиливает образность контекста поэтического произведения.

Разрушает пословицу **Лучше синица в руках, чем журавль в небе** в поэме «Ожидание» Роберт Рождественский:

...Как без тебя? Как?

Был ты

синицей в руках.

Что без тебя я?

Словно земля

ничья.

Оригинальный контекст с прозрачным намёком на эту же паремию наблюдаем и в поэзии Оксаны Почапской «Пролетіти б вітром попід тишу...»:

Знаю: буде того лету мало —

День за днем розчиняться у снах.

Тож лишню журавля у хмарах

І синицю грію у руках.

Кстати, в белорусском языке ФО **сініца ў руках** (ў руцэ) как полноценная фиксируется фразеологиче-

ским словарем. Фразеологической практикой же русского и украинского языков это ещё не закреплено. Однако белорусский пример может со временем найти свое продолжение и в двух других восточнославянских языках. Но только при условии употребления именно такой формулы в текстах разных авторов, как это наблюдаем мы с фразеологическим новообразованием **незваный (непрошэный) гость**.

1. Kwaszą N. Aktualizacja FE последнего десятилетия (по страницам «Нижегородской правды») // Nowa frazeologia w nowej Europie. Новая фразеология в новой Европе. Neue Phraseologie im neuen Europa. Słowo. Tekst. Czas. VI: Tezy referatów międzynarodowej konferencji naukowej, Szczecin, 6-7 września 2001 r. Greifswald, 2001. С. 78-79.
2. Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии: сборник образных слов и иносказаний / Посмертное издание. СПб., 1912. С. 503.
3. Пословицы и поговорки русского народа. Из сборника В.И.Даля. М., 1987. С. 572.
4. У країнські приказки, прислів'я і таке інше. Уклад М.Номис / упоряд., приміт. та вступна ст. М.М.Пазяка. К., 1993. С. 521.
5. У довиченко Г.М. Фразеологічний словник української мови. Т. 2. Киев, 1984. С. 70.
6. Жайворонок В.В. Знаки української етнокulturи: Слов-ник-довідник. К., 2006. С. 136-137.
7. Лепешаў І.Я., Якалцэвіч М.А. Слоўнік беларускіх прыказак-зак. Мінск, 2002. С. 299.

References

1. Kwasha N. Aktualizatsiia FE poslednego desiatilietia (po stranisam «Nizhegorodskoi pravdy») [Actualization of phraseological units of the latest decade (on the material of "Nizhegorodskaya pravda")]. Nowa frazeologia w nowej Europie [New phraseology in new Europe]. Neue Phraseologie im neuen Europa. Słowo. Tekst. Czas. VI: Tezy referatów międzynarodowej konferencji naukowej, Szczecin, 6-7 września 2001 r. Greifswald, 2001, pp. 78-79.
2. Mikhel'son M.I. Russkaia mysl' i rech'. Svoe i chuzhoe. Opyt russkoi frazeologii: sbornik obraznykh slov i inoskazanii [Russian thought and language. Self and others. Russian Phraseology experience: collection of figurative words and allegories]. Posthumous edition. Saint Petersburg, Brokgauz-Efron Publ., 1912, p. 503.
3. Poslovitsy i pogovorki russkogo naroda. Iz sbornika V.I.Dalia [Proverbs and sayings of the Russian nation. From collection by V.I.Dal']. Moscow, Pravda Publ., 1987, p. 572.
4. Paziak M.M., ed. Ukraïns'ki prikazki, prisliv'ia i take inshe. Uklav M.Nomis [Ukrainian proverbs, sayings and other]. Comp. M.Nomis. Kiev, Lebed' Publ., 1993, p. 521.
5. Udovichenko G.M. Frazеологічний словник української мови [Phraseological dictionary of the Ukrainian language]. Vol. 2. Kiev, Vysshiaia shkola Publ., 1984, p. 70.
6. Zhaivoronok V.V. Znaki Ukraïns'koï etnokul'turi: Slovnik-dovidnik [The signs of Ukrainian ethnological culture: Reference dictionary]. Kiev, Dovira Publ., 2006, pp. 136-137.
7. Lepeshaŭ I.Ia., Iakaltsevich M.A. Sloŭnik belaruskikh prykazak [Dictionary of Belorussian proverbs]. Minsk, Belaruskaja navuka Publ., 2002, p. 299.